

В.В. Соколов

**КАКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
СЕГОДНЯ НУЖНА В ВУЗЕ?**

V.V. Sokolov

**WHAT KIND OF THE HISTORY OF RUSSIA DO WE NEED AT
HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS TODAY?**

Статья посвящена вопросам преподавания курса отечественной истории в РГГМУ в современных условиях. Ставится вопрос также об экологизации большинства гуманитарных дисциплин в целом. Предлагается начать работу по созданию новых учебных пособий на этой базе по курсу истории, философии, культурологии, политологии.

The article is dedicated to problems of teaching a course of Russian history at the Russian State Hydrometeorological University in modern conditions. The problem is advanced of ecologisation of the majority of humanitarian disciplines as a whole. The author suggests to begin creating new manuals on this base for the courses of History, Philosophy, Culturology, Politology.

Высшее образование предполагает *обязательное знание цикла социально-гуманитарных дисциплин, включая и отечественную историю*. Какая же отечественная история нужна в *современном вузе*, а для нас, прежде всего – в РГГМУ? Поставленный вопрос не относится к разряду риторических – нужна история честная, не ангажированная сиюминутной конъюнктурой и, уж это точно, без указующего и поучающего начальственного перста. И все же этой краткой формулой проблема далеко не исчерпывается. Именно поэтому автор и предлагает уважаемому читателю вместе с ним подумать над ней.

В жизни общества бывают периоды, когда у людей просыпается интерес, казалось бы, к давно забытым и даже архаичным взглядам на историю. Чаще всего это происходит в переломные исторические моменты, которые принято называть реформаторскими. Любезное нашему сердцу Отечество за свою более чем тысячелетнюю историю многократно переживало такие события, которые нередко весьма грубо вторгались в жизнь наших предков. Впрочем – почему только предков? Все мы до сих пор ощущаем на себе события рубежа 80–90-х годов прошлого столетия, с которых началась очередная в истории нашей страны полоса реформ.

История по самой своей сути может служить как «мирным», так и разрушительным целям. Знание ее (или незнание) на определенных поворотах развития общества способно его революционизировать, создать обширную социально-политическую площадку для различных быстротекущих преобразований. Обращаясь памятью к тем же 80–90-м годам, мы – свидетели или участники тех событий – прекрасно помним, что это время потребовало восполнить

общественное незнание именно отечественной истории. Средства массовой информации обрушили на читателя, зрителя и слушателя огромное количество *новой* исторической информации, совершенно недоступной в застойные времена. Шла целенаправленная «накачка» населения *неизвестными* ему историческими документами и фактами, способными серьезно изменить настроение общества, подвигнуть его к самым радикальным переменам. Это коснулось, главным образом, советского периода истории, преимущественно влияния КПСС на ход ее развития. Несомненно, это была весьма серьезная *политическая подготовка* последовавшей череды событий – ликвидации безраздельного правления КПСС, ликвидации СССР, странной приватизации и многого другого. В сущности, реформаторы использовали огромный пласт неизвестного для простого человека исторического знания для решения своих политических задач. Таким образом, как и в советские времена, на этом переломе к истории был проявлен конъюнктурный *политический интерес* (впрочем, не только к ней одной).

Какое отношение сказанное имеет к нашему основному вопросу? Как только успокоились политические страсти, а на путях развития исторической науки были ликвидированы наиболее одиозные препятствия, пошел процесс осмысления нашего прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Наше общество нуждается не только в *устойчивом экологическом*, но и в *социально-политическом развитии*. Неподвластное политической конъюнктуре преподавание отечественной истории – исключительно серьезная государственная проблема, на путях решения которой возможно избавление общества от очередных «переворотов» в общественном менталитете, от метаний и просто от ошибок. И хотя история вряд ли даже теоретически может принести государственному бюджету коммерческую прибыль, что в последнее время так заботит чиновников от образования, именно государство может (и должно) поддерживать спокойное развитие вузовских гуманитарных наук.

Автор далек от того, чтобы предлагать нечто вроде формирования раз и навсегда «отдискутированных» исторических схем отечественной истории, создания очередного методического «монстра», своеобразной исторической «священной коровы». Речь идет о спокойном и честном освещении отечественной истории, далекой от застывшего состояния, постоянно освежаемой новыми взглядами, фактами, документами. При этом вполне можно обратиться к собственному опыту подобных усилий во времена серьезных перемен. Неслучайно часть преподавателей уже с начала 90-х годов стала обращаться к дореволюционным учебным пособиям в надежде почерпнуть из них нравственное и культурное начало исторического знания.

Практика российских историко-педагогических изданий оставила нам богатое наследие, в советское время незаслуженно забытое. Впрочем, вернемся к сегодняшним проблемам. А они таковы – для преподавателей истории в вузах все более очевидной становится неприятная истина – первокурсники все менее владеют элементарным набором навыков и уровнем знаний, которые

необходимы в высшей школе. Реформаторские потуги 90-х годов в средней школе, скверное состояние дел с кадрами, неразбериха с программами обучения, дополненное сомнительными знаниями учеников по истории, почерпнутыми из телевизионных и видеомагнитофонных впечатлений – все это сказалось самым негативным образом и на уровне информированности современного студента в области отечественной истории. Доходит до того, что первокурсники зачастую испытывают огромные трудности в изложении учебного материала в устной или письменной форме! А это – свидетельство серьезных пробелов в знании русского языка и литературы, что подтверждается и письменными контрольными работами, в которых грамматические ошибки, примитивная стилистика – обычное явление.

На фоне известных перемен в стране, еще во второй половине 80-х годов начался процесс сокращения объема нагрузки по всему комплексу гуманитарных знаний, включая и изучение истории. Однако не удалось уйти от извечной российской традиции, исторически давно сложившейся – это сокращение к настоящему времени доведено до *крайности*.

Попробуем проанализировать – что же к настоящему времени *характеризует* этот сектор учебного процесса? В 90-е годы при поступлении во многих вузах в числе вступительных экзаменов была и отечественная история. Абитуриенты, слабо подготовленные еще в школе, затрачивали немало сил для систематизации своих знаний перед вузовским экзаменом. Однако после зачисления в институт многие из них с удивлением узнавали, что курс истории занимает по времени один, редко два семестра. Возникал вполне уместный вопрос – для чего был нужен *вступительный* экзамен по этой дисциплине? Чтобы избавиться от этого вопроса во многих вузах отечественную историю просто исключили из числа вступительных экзаменов, заменив иными профилирующими предметами.

Примечательно, что все это происходило на фоне стремительного переименования многих технических вузов в университеты, академии, что позволяло уже в названии самого высшего учебного заведения подчеркнуть его особую роль в той или иной сфере знаний. В этом нет ничего плохого, наоборот. Но при этом следует исходить из того, что *университетское* образование в прошлом и настоящем предполагает не только более углубленное изучение профилирующих дисциплин, но и *широкое гуманитарное образование, непременно включающее и серьезное знакомство с отечественной историей*. Об этом сплошь и рядом никто просто не вспоминает. Следует, однако напомнить, что еще на рубеже XIX–XX веков опыт отечественных технических вузов, готовивших отличных специалистов, копировался высшей школой Западной Европы и США, где его даже именовали «русской системой». Ныне уже Россия копирует чужой опыт. В этом, конечно, нет ничего плохого. Но копирование ведется, как бы это мягче сказать, *выборочно и непрофессионально*. Несистемно, фрагментарно, а следовательно, и неэффективно для всей поста-

новки преподавания в российской вузовской системе, во всяком случае, в области гуманитарных дисциплин. В одном из престижнейших технических вузов не только США, но и в мире – в Станфордском университете – не считают впустую потраченным временем первые три курса обучения, если в это время студенты изучают историю своей страны в русле ряда дисциплин. При этом полезно напомнить, что американская история, в отличие от российской, начала свой отсчет с 1776 г. Нужно ли после этого задумываться о корнях американского патриотизма?

Вряд ли приходится в такой ситуации удивляться появлению образовательных эрзац-форм экзаменов и обучения. К их числу следует отнести тестирование, которое с 2001 г. начали вводить вместо вступительных экзаменов тесты. Тесты многие горячие головы расценили как панацею от субъективизма в оценке знаний абитуриентов, но назовем вещи своими именами – от взяточничества и прочих несимпатичных явлений. Вполне возможно, что так. Но за соображениями целесообразности остались в стороне не менее существенные проблемы. Мировой опыт, хотя бы в тех же США, показал неспособность путем тестирования *реально* определить уровень знаний будущих студентов. В итоге в тех же США начался обратный процесс – отказ от тестирования и резкое увеличение времени на непосредственное общение со студентами. Между тем, явное ослабление базы знаний у российских абитуриентов по основным предметам *уже начинает* ощущаться. Это проявляется отнюдь не только в области истории, но и географии, права, русского языка и литературы и т.д.

Преподавание отечественной истории в вузе наталкивается на ряд нерешенных проблем. Прежде всего – по какой программе? В 90-е годы в большинстве вузов кафедры разрабатывали свои программы, которые строились на основе уже существовавшей учебно-методической литературы. Программная чехарда привела, в свою очередь, к появлению многочисленных учебников, которые осенью 2001 г. с полным основанием были подвергнуты на правительственном уровне серьезной критике. Иного и быть не могло. Программы иногда составляли преподаватели, не обладавшие сколько-нибудь серьезным опытом работы в вузе, а в иных случаях и не имевших базового исторического образования. В 2000 г. Министерство образования РФ разработало и утвердило Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. В его появлении видится, благотворное для *дела*, стремление навести определенный порядок в методической чересполосице.

Преподавание отечественной истории дает огромный материал для размышлений о прошлом и будущем, в котором первичным должен оставаться не индустриально-технический компонент цивилизации, а его *гуманитарная* основа, прежде всего – человек. В этой связи уместно было бы вспомнить мысль исключительно редко упоминаемого гуманитариями К.Э. Циолковского, с именем которого выпестован виртуальный образ технократа: "Не при-

знаю я и технического прогресса, если он превосходит прогресс нравственный, если физика и химия не служат, а подчиняют себе медицину, как не признаю много другого. Для человечества нужна не техника, а моральный прогресс и здоровье".

Гуманитаризация знаний неизбежно подводит к расширению границ отечественной истории как учебной дисциплины. Речь идет не о повторении полученных в школе знаний, а об иной трактовке исторического пути России, основанной на привлечении иных информационных пластов. Усвоенный еще со студенческой скамьи у большинства преподавателей подход к истории лишь как исключительно к социально-политическому процессу или научно-техническому прогрессу весьма обедняет всю многоцветную, противоречивую и потому удивительно интересную картину отечественной истории.

Одна из плодотворных форм преодоления одностороннего освещения отечественной истории – решительное введение в канву истории России, помимо таких факторов, как экономика, интегрированная политика, наука, техника, культура, религия, еще и *экологической составляющей*. В течении XX столетия историки раздвинули границы своей науки, включив в нее ряд других дисциплин, в том числе и сферу экологических знаний. Как и в других случаях, анализ исторических проблем России с использованием только еще формирующейся методологией историко-экологической концепции позволяет лучше прояснить важные, если не сказать – узловые – вопросы отечественной истории.

Для многих историко-экологический взгляд и в наше время представляется либо еретическим, либо экзотическим. Между тем это отнюдь не так – еще во второй половине XIX в. великолепный историк В.О. Ключевский обращался именно к этим аспектам. Ему принадлежат мысли о глубоком влиянии окружающей природной среды на формирование материальной и духовной основы славянской цивилизации. Так, он впервые отметил, что взаимная «близость главных речных бассейнов равнины при содействии однообразной частям населения обособляться друг от друга, замыкаться в изолированные гидрографические клетки, поддерживала общение между ними, подготавливала народное единство и содействовало государственному объединению страны». В.О.Ключевский предложил исключительно глубокий и актуальный для современной исторической науки методологический подход, в основе которого выявление интегрированного влияния климата, географического пространства, растительного и животного мира Русской равнины на формирование всей российской истории.

В 1980-е годы XX века, после долгого забвения этой составляющей нашей истории, появились работы по экологической истории, преимущественно на материалах новейшего времени. Это было всего лишь возвращение к забытому, принятие эстафеты от XIX века.

На этом пути предстоит определить весьма серьезные методологические проблемы. Так, в этом ряду вопросы соотношения периодизации классической

отечественной истории и ее экологической составляющей. Отметим лишь существенную дисинхронность взаимосвязанного развития природы и общества, материальных и духовных компонентов культуры, материального взаимодействия между природой и человечеством и идеального отношения человека к природе в ходе человеческой истории. На этом пути прогрессивно возрастала сложность организации геосистем, биосистем, экосистем и соответствующих им георитмов, биоритмов, экоритмов. В последующей антропоэволюции и уже в социогенезе происходит акселерация систем, структур, процессов, особенно в общественном развитии, что может внести определенные коррективы в традиционную систему периодизации отечественной истории.

Если фоном периодизации экологической истории в начале ее могут выступать природные ритмы, то социальная стадия должна периодизироваться в большем соответствии с историей всей материальной и духовной культуры, поскольку она должна учитывать наличие экологического взаимодействия между природой и обществом. При этом следует заметить, что природа накладывает свои биоритмы на человеческую историю. Это проявляется, например, в виде циклов солнечной активности, оказывающих глубокое влияние не только на все формы живой материи на Земле, но даже и на человеческую историю. Еще А.П. Чижевский в начале XX века писал о влиянии Солнца на развитие таких экстремальных событий в человеческом обществе, как войны, революции, восстания и т.д. В свою очередь, изучение истории климата России (равно и значительной части Западной Европы) за последнюю тысячу лет показывает, что на ход истории глубоко влияли и длинные циклы, в ходе которых были и столетия, характеризовавшиеся погодными экстремальными десятилетиями. Все это довольно хорошо заметно в отечественной истории, о чем до настоящего времени в классическом ее изложении даже не идет речь.

Все сказанное вновь и вновь ставит на повестку дня исторического образования серьезную задачу – включить в учебный материал не только общепринятые социально-экономические блоки, но и природно-климатическую и экологическую информацию. Прежде всего необходимо показать, что люди во все времена жили в природе, которая уже в самые ранние времена давала людям понять необходимость соблюдения *баланса между потребностями человека и компенсаторными возможностями окружающей среды*. Не только все перемещения народов в древние времена, но и едва ли не все крупные войны имели подоплекой нехватку жизненных ресурсов. Величественная греческая цивилизация расселялась по чисто экологическим причинам – растущее население не могло прокормиться на прежних территориях, деградированных неразумными формами природопользования. Поэтому поэтический миф об аргонавтах в реальности имел куда более практическую цель, чем золотое руно, – поиск плодородных земель, способных прокормить не только поселенцев, но и родную метрополию.

В полной мере это относится и к освоению восточными славянами Великой Русской равнины – обширной, богатой природными ресурсами, которых хватало на много лет вперед и куда более значительному числу людей. Поэтому экологический фактор серьезно повлиял на рост народонаселения, что было и залогом безопасности – едва он прекращался, страна становилась добычей соседа с растущим населением.

Вся история России (как, впрочем, и практически всех других стран) есть, в сущности, цепь демографических и экологических кризисов. Среди причин часто называют и экологические, и надо постараться уяснить, насколько они в действительности были существенны. К этому обязательно следует добавить суровый климат, игравшего основную роль в частых неурожаях (за 1000 лет – не менее 300 лет были таковыми в истории России). Традиционный курс отечественной истории вообще обходит *всю* данную проблематику, однако было бы серьезной ошибкой впасть и в другую крайность – считать доминирующим историческим фактором складывающуюся в ту или иную эпоху экологическую ситуацию и влияние климата. Однако даже осторожное отношение к влиянию фактора окружающей среды на историю России позволяет с уверенностью утверждать, что в крупных событиях непременно присутствовало глубокое влияние природы.

Это в полной мере относится к образованию Древнерусского государства и его последующему раздроблению. Началу татаро-монгольского ига предшествовали жестокие засухи и неурожай, серьезно ослабившие Русь. Без учета природно-сырьевого потенциала Московского государства для Западной Европы просто невозможно выявить причины относительно быстрого прекращения Смутного времени XVII века. Именно тогда развитые государства начали энергичное освоение своих колониальных владений, что было просто невозможно без большого океанского флота. А для его строительства к XVII веку в Европе уже не оставалось лесных ресурсов. Наиболее близко располагались колоссальные запасы корабельного леса Московского государства, предельно измученного смутой, восстаниями и деятельностью многочисленных авантюристов. Воцарение новой династии Романов не только положило конец Смуте, но и породило реальные надежды на то, что из Руси можно будет начать вывоз столь необходимого сырья. Для скорейшего примирения враждующих сторон западноевропейские страны явно приложили серьезные усилия, скоро увенчавшиеся успехом. Вскоре появляются *постоянные дипломатические представительства* заинтересованных сторон (Англии и Голландии). Венцом усилий станет беспрецедентная торговля лесом, центром которой станет Архангельск.

Кстати, излишнее усердие в распродаже леса уже к концу XVII века приводит к их оскудению, что волей-неволей заставило Петра I впервые в истории России организовать *государственную* лесную страже. Небрежно освещаемые в курсе истории вопросы землепользования, создают у слушателя ил-

люзию, что помещики XVIII века были полными хозяевами своих владений. А ведь это не так – только государство давало разрешение помещику рубить на продаже леса, расположенные на территории их имений. Когда же Екатерина II разрешила дворянам поступать по собственному усмотрению, буквально за пару десятилетий на европейской части империи не осталось губернии, где бы не били тревогу по поводу изумительно быстрого исчезновения лесов. Павлу I пришлось отменять эту «вольность» дворянства, вновь включив недреманное око государственного контроля.

Извечная российская тема в истории – земля, составлявшая главное богатство с древних времен. Русско-турецкие войны XVIII века шли далеко не только за выход в Черное море, но и для *реального освоения* богатейших черноземов Северного Причерноморья, что было исключено при наличии враждебного Крымского ханства. Еще более серьезная тема, давным-давно считающаяся вдоль и поперек изученной и переходящей из одной монографии (или учебника) в другую – *малоземелье крестьян* в Российской империи. А ведь по тем же европейским меркам (ныне с Европы отечественные эксперты берут примеры) у крестьян были участки пахотной земли большей площади, чем в других странах. Только обращение к истории природопользования, точнее – землепользования, позволит лучше расставить акценты. Речь шла не о *малоземелье*, а о *примитивном уровне технологии землепользования*, что приводило к низкой *урожайности сельскохозяйственных культур*. Но ведь за этим куда лучше разглядеть *реальное* отставание империи от передовых стран в технике, промышленности, обслуживавшей нужды сельского хозяйства, собственно во всей структуре экономики.

При всей дремучести мелкого и даже среднего помещичьего сословия империи, о чем так много писали последние полтора столетия (что, кстати, отмечали и сами дворянские общественные деятели), иначе как потребностями практического порядка трудно объяснить масштабные лесопосадки на землях Украины. Землевладельцы терпели серьезный урон от ветровой и водной эрозии почвы, нуждались в лучшем сохранении подземной влаги для пахотной земли. Равным образом, не на пустом месте во второй половине XIX возникают *частные* заповедники. Для этого надо было не просто любить природу, но и *осознать* степень опасности наступления человека на нее.

Если обратиться к событиям XX века, то специалист просто захлебывается из-за обилия фактов (положительных и отрицательных) историко-экологического характера. Совершенно пропущенный в отечественной историографии факт грандиозного *экологического кризиса*, в котором не только Россия, но и остальные республики, входившие в ее состав, оказались после первой мировой войны, революций и гражданской войны. Вырубленные леса, истребленный животный мир, грандиозное по масштабам браконьерство практически во всех сферах природопользования. Именно этим можно и должно объяснить то, что *никак* не раскрывалось ранее – зачем советское правитель-

ство в эту тяжелейшую для коммунистов эпоху занялось неотложными мерами *охраны природы*? Если бы это не было сделано, все планы Ленина и компании просто надолго бы отодвинулись, а ведь было горячее желание устроить мировую революцию.

Командно-административная система мощным катком прошла и по охране природы, которую ретивые идеологи предлагали также включить в народнохозяйственные планы. Это не было лишь фразой – распродажа природного сырья пошла исключительно энергично. Кстати, цепь лагерей ГУЛАГа практически точно соответствовала наиболее богатым источникам разработки природного сырья – леса, руды, золота и т.д. Даже предпринятые в конце 1920-х годов попытки освоения Великого Северного пути преследовали совершенно практическую задачу – начать вывоз экспортного леса из Игарки, где началась массовая лесоразработка.

Историко-экологический подход позволяет лучше раскрыть и многие проблемы послевоенного советского общества. Выкачивание средств из сельского хозяйства в течение ряда десятилетий привело к печальным экологическим последствиям, с чем не считалось политическое руководство, решившее наверстать упущенное не вкладыванием средств в традиционные регионы, веками кормившие страну, а в целину. Мгновенно появилась проблема пылевых бурь, необходимость разработки новой технологии земледелия. Пренебрежение к экологическим оценкам вскоре заставило СССР приступить к закупкам зерна на внешнем рынке. А платили за него – дешевой распродажей и без того в начале 1960-х годов еще дешевой нефтью. Закупки продолжались, причем в возрастающих масштабах, как, впрочем, и торговля топливом. Эта система стала ахиллесовой пятой *всей* экономики СССР, которая к середине 1980-х годов вступила в глубокий кризис, выбраться из которого так и не удалось. Топливо в эту эпоху стало *категорией большой политики*. А ведь зависимость современной России от торговли энергоносителями только возрастает.

Примеры такого рода из огромной, наполненной социальным многоцветьем, эмоциями, своеобразием и судьбами интереснейших людей российской истории можно продолжать и дальше. Важно другое – за ними легко просматривается *закономерность* эколого-исторического пути России. Наши предки были ничуть не глупее нас, хорошо понимали, что нельзя доводить отношения с природой до крайности. Свои отношения с окружающей природой они не только получали нужные ресурсы, но и преодолевали суровый климат российских широт, умея приспособиться к нему.

Если история природы и история людей изучаются уже сотни лет, то для заполнения в науке «экологической ниши» – истории взаимодействия природы и человечества – остаются немногие годы, ибо практика природопользования не только в России со всеми ее негативными последствиями стремится в этом отношении обогнать теоретическое понимание ситуации. Без экологической истории, к включению которой в систему подготовки специалистов раз-

ного профиля необходимо безотлагательно приступить, невозможна выработка и реализация полноценной государственной экологической политики, в чем ощущается потребность практически во всех регионах нашего огромного Отечества. В этом мне видится практическое значение собственно исторического аспекта экологической проблематики.

Перейдя от слов к делу, кафедра социально-гуманитарных наук РГГМУ в 2002 г. кардинально переработала учебную программу по курсу «Отечественная история», включив в нее большой объем информации по экологической истории России, влиянию климата на все стороны жизни российского общества. К настоящему времени в РГГМУ подготовлено первое учебное пособие такого рода. В нем предпринята попытка осветить историю страны на всем ее протяжении с учетом экологической и климатической составляющих, особо останавливаясь и на истории охраны природы.

Наконец, отечественная история – это еще и география страны, ее колоссальные природные ресурсы, так влиявшие уже в далеком прошлом на экономику, международные связи, менталитет самих россиян и еще на очень многие стороны жизни общества. Обращение к перечисленным направлениям позволяет не только дать необходимые знания по курсу «Отечественная история», но подготовить студентов к следующим учебным дисциплинам гуманитарного профиля.

Это всего лишь первые шаги, конечно, сопряженные с вполне понятными недоработками, прежде всего методологического характера. Именно над этими вопросами преподаватели кафедры социально-гуманитарных наук РГГМУ работают последние два десятка лет. Задачами ближайшего времени, на наш взгляд, должно стать создание учебных пособий, написанных на базе социально-экологического подхода, по всей совокупности гуманитарных учебных дисциплин. Именно на этой основе мы сможем осуществить экологизацию преподаваемых дисциплин.

Каждая историческая эпоха в развитии России предполагала не только «свой» хозяйственный уклад, «свои» формы природопользования, т.е. специфическое отношение человека к природе. Это порождало особенности практического и познавательного взаимодействия человека с природой, причем существенную роль всегда играет морально-этический компонент. Расшифровка и сравнение экологических представлений ранней и последующей истории российского социума, когда материальная среда, сознание и мораль находились сначала в большем, а затем в меньшем синкретическом единстве, представляется той актуальной научной и методической проблемой, решение которой видится лишь на путях интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания. А если эти вопросы важны для современной России, то интерес к ним обязаны проявлять не только представители общественных наук и при этом, далеко не в последнюю очередь, историки, социологи и философы, но и специалисты в области естественных наук, прежде всего те из них, кто

связан с изучением экосистем, биосистем, геосистем. Самостоятельно разрешить и даже полноценно поставить проблему не смогут, если попытаются сделать это не выходя за рамки только своей отрасли знания, ни философы, ни социологи, ни историки, ни естествоиспытатели.

Многие полагают, что слово «отечество» имеет отношение либо к языку политики, либо к языку художественной литературы. Между тем смыслы, которые заключены в этом слове, позволяют увидеть в нем термин, обозначающий сложное, многокомпонентное научное понятие. В его содержание включаются представление о непосредственно окружающей человека природной и социокультурной среде – не только о земле, но и о стране, но и о культуре – его и его предков. В русле такого подхода возможна интеграция всего комплекса учебных дисциплин, но и, возвращаясь к началу настоящей статьи, «снять» инерционно-скептическое отношение к историческим знаниям, не только не потерявшим свое значение, но и обретающих для современной России особую актуальность.